Научная статья
УДК 316.33

СОЦИОЛОГИЯ БЫТОВОГО ДОЛГА: МОРАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ ЗАИМСТВОВАНИЯ И СТИГМАТИЗАЦИЯ БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Шекунова Юлия Олеговна, кандидат социологических наук, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Россия, Самара, i.shekunova@mail.ru

Аннотация. Феномен бытового долга в современной России анализируется как сложное социальное отношение, пронизанное культурными смыслами и моральными оценками. Опираясь на концепцию особых денег, исследователь показывает, как заемные средства маркируются обществом в зависимости от их целевого назначения и социального статуса заемщика. Эмпирическую базу составили данные общероссийских опросов финансовой грамотности и серия нарративных интервью с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности и судебного банкротства. Используемая теоретическая рамка позволяет выйти за пределы утилитарного редукционизма, свойственного классическим экономическим моделям, и раскрыть механизмы формирования доверия к институту заимствования в условиях изменения ценностно-нормативных установок российского общества. Установлено: моральная экономика заимствований ранжирует обязательства на социально одобряемые и стигматизируемые, что диктует стратегии взаимодействия должников с кредиторами. В работе также систематизированы различия в оправдательных техниках между клиентами микрофинансовых организаций и банковскими заемщиками. Процедура банкротства физических лиц, часто интерпретируемая в массовом сознании как индикатор личного нравственного падения, требует отдельного осмысления. Показано, что стигматизация статуса банкрота оказывает разрушительное воздействие на социальный капитал

индивида, ограничивая его возможности на рынке труда, несмотря на формальное юридическое освобождение от обязательств. Полученные данные указывают на необходимость гуманизации финансовых институтов и совершенствования подходов к финансовой социализации, учитывающих психологические и социокультурные детерминанты экономического поведения.

Ключевые слова: бытовой долг; моральная экономика; социальная стигматизация; банкротство физических лиц; финансовая социализация; долговые нарративы.

Original article

THE SOCIOLOGY OF HOUSEHOLD DEBT: MORAL ECONOMIES OF BORROWING AND THE STIGMATIZATION OF BANKRUPTCY IN RUSSIAN SOCIETY

Shekunova Iuliia Olegovna, Candidate of Sociological Sciences, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev, Samara, Russia, i.shekunova@mail.ru

Abstract. The phenomenon of household debt in contemporary Russia is analyzed as a complex social relationship imbued with cultural meanings and moral assessments. Drawing on the concept of special money, the researcher demonstrates how borrowed funds are socially labeled based on their intended purpose and the social status of the borrower. The empirical base consists of data from nationwide financial literacy surveys and a series of narrative interviews with individuals who have experienced overdue debt and bankruptcy proceedings. The theoretical framework of the study can overcome the utilitarian reductionism inherent in classical economic models and reveal the underlying mechanisms that shape trust in the institution of borrowing amid the transformation of value and normative attitudes in Russian society. It has been established that the moral economy of borrowing categorizes obligations as socially approved and stigmatized, which dictates strategies for debtor-creditor

interactions. The study also systematizes the differences in justification techniques between clients of microfinance organizations and bank borrowers. Personal bankruptcy, often interpreted in the public consciousness as an indicator of personal moral decline, requires separate consideration. It has been shown that the stigmatization of bankruptcy status has a devastating impact on an individual's social capital, limiting their opportunities in the labor market, despite formal legal exemption from obligations. The findings highlight the need to humanize financial institutions and improve approaches to financial socialization that take into account the psychological and sociocultural determinants of economic behavior.

Keywords: household debt; moral economy; social stigmatization; personal bankruptcy; financial socialization; debt narratives.

Введение. На протяжении последнего десятилетия российский рынок розничного кредитования расширяется беспрецедентными темпами, а использование заемных средств становится повседневной практикой широких слоев населения. Если в конце 1990-х гг. обращение в банк за ссудой воспринималось как вынужденная мера, свидетельствующая о временных материальных трудностях [1], то в настоящее время новая кредитная культура становится неотъемлемой частью экономической социализации граждан [2]. Этот сдвиг отражается не только в количественном увеличении объема выданных ссуд, но и в качественной перестройке основ финансового поведения, когда традиционное откладывание покупок уступает место модели опережающего потребления [3]. Кредит приобретает статус рутинного, социально одобряемого атрибута жизни среднего класса.

Исторически сложившееся отношение к долговым обязательствам в российском обществе постепенно меняется. Долгое время привычка рассчитываться собственными средствами и избегать займов воспринималась как проявление финансовой добродетели и личной дисциплины, тогда как сама задолженность имела негативную моральную окраску. Однако по мере

интеграции западных потребительских стандартов и расширения доступа к банковским продуктам происходит постепенное размывание этих психологических барьеров [4]. Негативное отношение к использованию будущих доходов для текущего потребления ослабевает, уступая место модели, при которой товары приобретаются сейчас, а оплачиваются за счет будущих доходов [5]. Долг утрачивает статус абсолютного зла, превращаясь в легитимный механизм управления жизненной траекторией и поддержания желаемого стандарта жизни.

В рамках классических экономических теорий финансовое поведение индивида часто сводится к рациональному расчету и максимизации полезности, где долг выступает как отрицательное сбережение или инструмент сглаживания потребления на протяжении жизненного цикла. Опираясь на концепцию «особых денег» Вивианы Зелизер, мы можем утверждать, что современные финансовые потоки, включая кредиты и займы, не являются нейтральными, гомогенными и взаимозаменяемыми единицами. Напротив, они наделяются глубоким социальным и моральным смыслом, маркируются культурными нормами и встраиваются в специфические сети межличностных отношений. Долг в этом прочтении предстает как сложное социальное отношение, отражающее статусные иерархии, гендерные роли и моральные обязательства внутри домохозяйства и референтных групп [6].

Применительно к современной России этот теоретический подход помогает по-новому осмыслить феномен растущей закредитованности домохозяйств [7]. Стремление индивидов поддерживать определенный стандарт жизни, сообразуясь с ожиданиями значимых других, часто вступает в противоречие с реальными доходами. Механизм распространения кредитных практик во многом напоминает эпидемиологическую модель, где ключевую роль играют социальные сети. Позитивный или негативный опыт знакомых становится главным критерием при выборе банка и формировании доверия к институту заимствования. Решение о привлечении заемных средств принимается

не только на основе индивидуального рационального выбора, но и под значительным влиянием социального одобрения, страха выпасть из привычного круга общения и стремления продемонстрировать успешность. Попадание в «периферию» кредитных отношений, то есть в группу людей, не имеющих собственного опыта займов, но общающихся с теми, кто уже ими пользуется, существенно повышает склонность индивида к заимствованиям [8].

Обратной стороной массового вовлечения населения в долговые отношения становится уязвимость семейных бюджетов и рост проблемной задолженности. Когда финансовый буфер исчерпан, а долговое бремя превышает возможности погашения, на первый план выходят не только экономические, но и морально-психологические последствия. Процедура банкротства и хроническая неспособность расплатиться по счетам воспринимаются не только как правовые и финансовые проблемы, но и как признаки личного и социального поражения. В условиях, когда кредит воспринимается как норма, неспособность им управлять интерпретируется окружающими и самими заемщиками как признак слабоволия, некомпетентности или морального упадка [9]. Формируется специфическая «моральная экономика» бытового долга, в которой легитимными признаются те стратегии заимствования, что направлены на социально одобряемые цели, тогда как долги, возникшие по причине импульсивных трат или неудачных финансовых решений, подвергаются жесткому осуждению [10].

В статье предпринимается попытка исследовать, как в современном российском обществе конструируются моральные границы бытового долга, каким образом заемщики легитимируют свои финансовые стратегии перед собой и окружающими, и как формируется общественное восприятие тех, кто не смог справиться с принятыми на себя обязательствами. Анализ опирается на понимание того, что закредитованность является индикатором глубоких сдвигов в системе ценностей, структуре социальных сетей и механизмах морального регулирования повседневной жизни [11].

Обзор литературы. Классические экономические парадигмы

рассматривают финансовые ресурсы как однородные и полностью взаимозаменяемые: каждая денежная единица в таком подходе лишена качественных различий [12], [13]. Сдвиг в понимании природы денег произошел благодаря работам В. Зелизер, которая предложила модель «особых денег». Согласно этому подходу культура и социальная структура маркируют денежные потоки, устанавливая негласные ограничения на их источники, способы распределения и целевое назначение [14]. Деньги, полученные в виде заработной платы, выигранные в лотерею или взятые в долг, наделяются социальным смыслом и распределяются по различным «ментальным счетам» [15].

Применительно к сфере заимствований теория Зелизер выявляет существование моральной экономики долга, в которой финансовые обязательства ранжируются по степени социальной одобряемости. Общество проводит четкую границу между «продуктивным» (или сакральным) долгом, направляемым на приобретение недвижимости, получение образования или лечение, и «потребительским» (профанным) долгом, возникающим на фоне импульсивных трат или покрытия текущих дефицитов. Если ипотека воспринимается как инструмент социально одобряемой восходящей мобильности и формирования активов, то микрозаймы часто стигматизируются как индикатор финансовой некомпетентности и моральной слабости [16].

Экономическая социология дополняет этот анализ пониманием того, как именно индивиды вовлекаются в долговые отношения. Исследования Б. Джу, С. Мира, М. Микуса показывают, что решения о заимствованиях глубоко укоренены в социальных сетях и определяются референтными группами [17], [18]. Кредитное поведение распространяется по принципу эпидемиологической модели: наличие позитивного опыта у друзей и знакомых выступает главным катализатором, снижающим психологические барьеры и легитимирующим практику опережающего потребления. Таким образом, долг предстает как сложное социальное отношение, отражающее статусные иерархии, механизмы социального сравнения и культурные нормы.

Материалы и методы исследования. Работа основана на качественном социологическом анализе моральных интерпретаций бытовой задолженности и социального восприятия банкротства физических лиц. Теоретическую основу составляют концепция моральной экономики, подходы к изучению социального маркирования денежных обязательств и теория техник нейтрализации. В качестве основного качественного материала рассматриваются нарративные интервью с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности либо прохождения процедуры банкротства. Для систематизации высказываний выделены три группы аналитических признаков: характер долгового обязательства, способы объяснения причин его невыполнения и формы переживания социальной стигматизации. Опубликованные материалы о финансовом поведении населения используются для характеристики общего социально-экономического контекста.

Качественный блок включает серию нарративных интервью (n = 54) с лицами, имеющими опыт просроченной задолженности или прошедшими процедуру банкротства физических лиц. Для обеспечения аналитической строгости выборка была стратифицирована не только по типу кредитора, но и по уровню дохода и социально-статусным характеристикам. Мы разделили респондентов на три ключевые группы: банковские должники (преимущественно ипотечные и автокредитные заемщики), клиенты микрофинансовых организаций (МФО) и лица, завершившие процедуру судебного банкротства.

Для систематизации выявленных различий была разработана типология, отражающая пересечение экономического статуса и моральной оценки долгового бремени (Таблица 1).

Таблица 1 - Социально-статусный профиль и моральные экономики различных категорий заемщиков

Категория заемщиков	Социально-статусные и доходные характеристики	Целевое назначение и моральная оценка долга	Преобладающие стратегии взаимодействия с кредиторами
Банковские должники (ипотека, авто, целевые кредиты)	Средний класс, стабильный доход, высокий уровень формальной финансовой грамотности.	«Созидательный» долг	Рациональное реструктурирование, активный диалог с банком, использование кредитных каникул
		Воспринимается как инвестиция в будущее и статусное потребление	
		Моральный груз минимизирован	Стыд минимален
Клиенты МФО (потребительские микрозаймы, «займы до зарплаты»)	Низкий доход, прекариат, низкая финансовая грамотность, часто - маргинали-зированные группы.	«Вынужденный» или «иррациональный» долг	Избегание, сокрытие факта займа от семьи, «перекредитование» (долговая спираль)
		Покрывает текущие дефициты или импульсивные траты	
		Высокий уровень внутренней стигмы	Доминирование чувства стыда
Банкроты (лица, прошедшие процедуру)	Гетерогенная группа: от разорившихся предпринимателей до лиц с критической долговой нагрузкой, не соразмерной доходу.	«Непосильный» долг	Полное прекращение диалога с коллекторами, делегирование общения юристам, социальная изоляция на период процедуры
		Переход от морального обязательства к юридическому факту	
		Амбивалентная оценка: от облегчения до ощущения краха	

Источник: составлено автором на основе [19-21].

Представленные данные свидетельствуют, что тяжесть долгового бремени определяется не только абсолютными суммами, но и социальным контекстом заимствования. Банковский заемщик, даже имея значительную просрочку, опирается на легитимность цели кредита, что позволяет ему сохранять позитивную самооценку. Вместе с тем клиент МФО сталкивается как с внешней стигматизацией, связанной с жесткими методами взыскания, так и с внутренней,

обусловленной осознанием попадания в долговую ловушку.

Результаты исследования и их обсуждение. До обращения в финансовые институты индивиды часто прибегают к неформальным займам внутри семейных и дружеских сетей. Здесь в полной мере проявляется описанный В. Зелизер механизм разграничения денежных средств по целевому назначению. Средства, взятые у родственников на оплату лечения или ремонта жилья, обладают иным социальным весом, чем деньги, запрошенные на покупку нового смартфона или путешествие [22].

Неформальный долг регулируется не юридическим контрактом, а нормами взаимности и доверия. Невыполнение обещания вернуть средства в срок влечет за собой тяжелые репутационные издержки. Стигма невыполненного неформального обязательства оказывается значительно более разрушительной для социального капитала индивида, чем просроченная задолженность по банковской карте. Респонденты отмечали, что невозможность расплатиться с другом воспринимается ими как личное моральное поражение, тогда как задолженность перед безликим банком часто рационализируется как «ошибка системы» или «стечение обстоятельств».

Переход к формальному сектору заимствований трансформирует природу стыда. В среде банковских должников (особенно ипотечных) прослеживается тенденция к нормализации долга. Кредит здесь воспринимается как один из признаков принадлежности к среднему классу, а временные финансовые трудности объясняются макроэкономическими факторами. Вступая в диалог со службами взыскания, такие заемщики применяют рациональные аргументы, ссылаясь на форс-мажорные обстоятельства, потерю работы или болезни, сохраняя уверенность в своей добропорядочности [23].

Ситуация меняется в группе клиентов МФО (Таблица 2). Для этих респондентов характерно сильное чувство стыда, связанное с ощущением собственной финансовой несамодостаточности. Чтобы защитить хрупкую самооценку, должники активно используют оправдательные техники (техники

нейтрализации). Они перекладывают ответственность на кредитора, обвиняя МФО в навязывании услуг, скрытых комиссиях или неадекватно высоких ставках. В нарративах этой группы часто используется образ «жертвы обмана», который позволяет отделить факт неспособности платить от оценки личных качеств заемщика. Тем не менее, страх разоблачения перед близкими остается мощным фактором, заставляющим многих скрывать факт микрозаймов до момента, когда долговая спираль становится неконтролируемой.

Таблица 2 - Аналитическая типология способов морального оправдания долговых обязательств

Категория заемщиков	Доминирующие техники нейтрализации (адаптация по С. Сайксу и Д. Матце)	Примеры нарративов и управление стыдом
Банковские должники	Отрицание ответственности	«Кризис в стране, сокращение штата, банк сам навязал страховку»
	Апелляция к высшим силам (форс-мажор)	Стыд замещается чувством несправедливости по отношению к системе
Клиенты МФО	Осуждение осуждающих	«Они сами толкают людей в долговую яму, скрытые проценты, грабительские ставки»
	Перенос ответственности на кредитора	Стыд маскируется агрессией по отношению к МФО
Банкроты	Отрицание вреда	«Я и так уже все отдал, это законное право на финансовое оздоровление»
	Представление о возможности начать финансовую жизнь заново	Стыд трансформируется в вынужденную социальную изоляцию

Источник: разработано автором.

Примечание. Речевые конструкции, включённые в таблицу, представляют собой обобщённые смысловые формулировки, иллюстрирующие соответствующие техники нейтрализации, и не рассматриваются как документально атрибутированные дословные цитаты участников интервью. Классификация основана на авторской адаптации теоретического подхода С. Сайкса и Д. Матцы к исследованию долгового поведения. Выделенные типы не означают, что каждый респондент использует исключительно один способ оправдания задолженности. Применение нескольких объяснительных стратегий в пределах одного нарратива рассматривается как допустимое сочетание аналитических категорий.

Процедура банкротства физических лиц находится на пересечении правового регулирования и моральных оценок. С формальной точки зрения, это законный механизм финансового оздоровления, позволяющий списать непосильные обязательства. Однако на уровне повседневности статус банкрота часто интерпретируется окружающими как признак личного краха, безответственности или мошенничества.

Анализ интервью показывает, что влияние статуса банкрота на социальный капитал носит противоречивый характер. С одной стороны, респонденты сталкиваются с проблемами при трудоустройстве: службы безопасности банков и крупных корпораций негативно реагируют на факт банкротства в кредитной истории, считая такого кандидата «ненадежным». С другой стороны, в неформальных сообществах (круг друзей, родственников) стигматизация постепенно снижается по мере того, как процедура становится массовым явлением. Банкротство часто начинает восприниматься как вынужденная, но рациональная стратегия выхода из кризиса, особенно на фоне роста потребительского кредитования.

Тем не менее, разрыв между правовым статусом и социальным восприятием сохраняется. Лица, прошедшие процедуру банкротства, вынуждены избирательно сообщать о своем финансовом прошлом в зависимости от контекста взаимодействия. Это подтверждает тезис о том, что финансовые институты могут усиливать социальные различия, классифицируя индивидов по степени финансовой «благонадежности» и моральной состоятельности.

Выводы. Подводя итог проведенному исследованию, необходимо подчеркнуть, что феномен бытового долга в современном российском обществе давно перерос рамки экономических транзакций. Заемные средства, как и любые другие финансовые потоки, наделяются глубоким социальным смыслом и маркируются культурными нормами. Формирование новой кредитной культуры, с одной стороны, легитимизировало опережающее потребление, сделав его атрибутом повседневной жизни широких слоев населения. С другой стороны,

этот процесс столкнулся с инерцией традиционных установок, согласно которым любая задолженность несет в себе оттенок нравственного риска. В результате возникает моральная экономика, где одни виды долгов воспринимаются как социально одобряемые инвестиции в будущее, а другие - как аспект финансовой несостоятельности и личной слабости.

Именно эта двойственность во многом определяет то, как проблемная задолженность и банкротство физических лиц переживаются и оцениваются в обществе. Когда финансовый кризис домохозяйства выходит из-под контроля, индивид сталкивается не только с экономическими санкциями, но и с мощным механизмом социальной стигматизации. Неспособность расплатиться интерпретируется окружающими и заемщиками как личный моральный провал, что вынуждает должников скрывать свое положение, разрушая социальные связи и усугубляя психологический стресс. В этой связи назревает острая необходимость гуманизации финансовых институтов. Банковскому сектору и службам взыскания следует отойти от утилитарной модели взаимодействия, где клиент рассматривается как источник возврата средств, к пониманию его социальной уязвимости. Учет того, что долговые обязательства встраиваются в сети межличностных отношений и зависят от объективных жизненных обстоятельств, может способствовать внедрению более гибких и учитывающих положение заемщика механизмов реструктуризации, снижая уровень стигматизации должников.

Одновременно с трансформацией институциональной среды целесообразно переосмысление подходов к финансовой социализации населения. Традиционные программы повышения финансовой грамотности зачастую сводятся к обучению математическому расчету процентов и чтению договоров, игнорируя психологические и социологические детерминанты поведения. Между тем, как показывают эмпирические данные, решения о заимствованиях диктуются давлением референтных групп, стремлением к социальному сравнению и желанием поддерживать желаемый статус. Подлинная

финансовая социализация должна включать в себя формирование критического отношения к потребительским соблазнам и осознание механизмов влияния социальной среды. Граждане должны учиться отделять реальные потребности от навязанных стандартов успеха, понимая, что демонстративное потребление за счет будущих доходов не является надежным фундаментом для социального признания.

Таким образом, преодоление кризисных явлений на рынке розничного кредитования не может быть обеспечено административными или макроэкономическими мерами. Устойчивое развитие финансовой системы требует формирования зрелого общества, в котором деньги перестают быть единственным мерилом личного достоинства, а долговые обязательства не становятся инструментом социального отчуждения. Только через синтез ответственного поведения индивидов, этически выверенной политики кредиторов и поддерживающей среды со стороны государства можно достичь того баланса, при котором кредит будет выполнять свою созидательную функцию, не разрушая при этом моральный и социальный капитал граждан.

Список литературы

1. Князев Ю. К. Экономические причины и социальные последствия жизни в долг // Социальная политика и социальное партнерство. 2023. № 3. С. 149–156. DOI: 10.33920/pol-01-2303-02.

2. Аликперова Н. В. Факторы влияния на финансовое поведение населения России: эффект 3Д // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 2. С. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14.

3. Ярашева А. В., Аликперова Н. В., Марков Д. И. Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 3. С. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14.

4. Санаева О. В., Дорошенко С. В. Влияние закредитованности населения на уровень суицидов в российских регионах // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 71–81. DOI: 10.31857/S013216250021515-9.

5. Ярашева А. В. Кредитное поведение россиян: тренды и риски // Финансовое поведение населения (мониторинговое исследование) / отв. ред. Е. И. Медведева, С. В. Крошилин. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 43–56. DOI монографии: 10.19181/MONOGR.978-5-89697-422-2.2023.

6. Ларионов А. В. Кредитное поведение граждан России в период пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 219–242. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2503.

7. Орлов С. Н., Реутов Р. В. Методический инструментарий оценки уровня закредитованности населения Российской Федерации // Общество и экономика. 2024. № 5. С. 27–44. DOI: 10.31857/S0207367624050034.

8. Сорокина Г. П., Сорокина В. А. Финансовое поведение населения: основные тенденции и риски // Экономические системы. 2024. Т. 17. № 2. С. 106–113. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-106-113.

9. Пятшева Е. Н. Социально-экономические показатели и финансовые аспекты банкротства физических лиц в России // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 4. С. 42–60. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-42-60.

10. Тихонова Н. Е. Особенности финансового поведения россиян в условиях внешних шоков последних лет // Экономическая социология. 2025. Т. 26. № 1. С. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.

11. Логинов Д. М. Запас прочности и финансовое обременение: кредитно-сберегательное поведение средневозрастных россиян // ЭКО. 2026. Т. 56. № 1. С. 93–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110.

12. Zaloom C., James D. Financialization and the Household // Annual Review of Anthropology. 2023. Vol. 52. P. 399–415. DOI: 10.1146/annurev-anthro-052721-100947.

13. Wang X., Ward A. M. Socio-economic framework for the design of national household insolvency systems // Socio-Economic Review. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 1473–1499. DOI: 10.1093/ser/mwad011.

14. Indarte S. Moral Hazard versus Liquidity in Household Bankruptcy // The Journal

of Finance. 2023. Vol. 78. No. 5. P. 2421–2464. DOI: 10.1111/jofi.13263.

15. Kılınçarslan P. Household Debt and Social Reproduction in Everyday Life: Women's Experiences of Caring, Agency, and Risk // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 973–996. DOI: 10.1093/sp/jxad031.

16. Moorhouse M., Goode M., Cotte J., Widney J. Helping Those That Hide: Anticipated Stigmatization Drives Concealment and a Destructive Cycle of Debt // Journal of Marketing Research. 2023. Vol. 60. No. 6. P. 1135–1153. DOI: 10.1177/00222437221146521.

17. Joo B. A., Mir S. I. Evolution of the Household Debt Narrative: A PRISMA-compliant Systematic Literature Review // Paradigm. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 84–100. DOI: 10.1177/09718907241248493.

18. Mikuš M. Tracking Mortgage Pathways in Zagreb: Everyday Economics of Debt, Housing Wealth, and Debtors' Agency in a European Semiperiphery // Current Anthropology. 2024. Vol. 65. No. 4. P. 701–723. DOI: 10.1086/731252.

19. Charron-Chénier R. Debt-Based Welfare: Debt-to-Asset Relationships across Black and White Households in the United States // Sociological Forum. 2024. DOI: 10.1111/socf.12987.

20. Thorup M. The Makings of the Debtor: Morality Tales and Economic Reasoning in Contemporary Neoliberal Societies // Thesis Eleven. 2024. Vol. 184–185. No. 1. P. 188–208. DOI: 10.1177/07255136241296893.

21. Marks A., Terry E. Using a Moral Economy Perspective to Understand Working-Class Finance and the Decline of Home Credit in the United Kingdom // Economic and Industrial Democracy. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1177/0143831X241306047.

22. Vargas Pavez M. Are All Debtors the Same? Personal Insolvency and Debtors' Profiles in Chile // International Insolvency Review. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 103–121. DOI: 10.1002/iir.1565.

23. Garrido J. M., Kilborn J., Rosha A. Personal Insolvency and Data Collection

Systems // IMF Working Papers. 2025. No. 124. 63 p. DOI: 10.5089/9798229013703.001.

References

1. Knyazev Yu. K. Ekonomicheskie prichiny i sotsial'nye posledstviya zhizni v dolg // Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo. 2023. № 3. S. 149–156. DOI: 10.33920/pol-01-2303-02.

2. Alikperova N. V. Faktory vliyaniya na finansovoe povedenie naseleniya Rossii: effekt 3D // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 2. S. 165–175. DOI: 10.19181/population.2023.26.2.14.

3. Yarasheva A. V., Alikperova N. V., Markov D. I. Osobennosti kreditnogo povedeniya molodezhi Rossii: tendentsii i riski // Narodonaselenie. 2023. T. 26. № 3. S. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14.

4. Sanaeva O. V., Doroshenko S. V. Vliyanie zakreditovannosti naseleniya na uroven' suitsidov v rossiiskikh regionakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2023. № 1. S. 71–81. DOI: 10.31857/S013216250021515-9.

5. Yarasheva A. V. Kreditnoe povedenie rossiyan: trendy i riski // Finansovoe povedenie naseleniya (monitoringovoe issledovanie) / otv. red. E. I. Medvedeva, S. V. Kroshilin. M.: FNISTs RAN, 2023. S. 43–56. DOI monografii: 10.19181/MONOGR.978-5-89697-422-2.2023.

6. Larionov A. V. Kreditnoe povedenie grazhdan Rossii v period pandemii COVID-19 // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2024. № 4. S. 219–242. DOI: 10.14515/monitoring.2024.4.2503.

7. Orlov S. N., Reutov R. V. Metodicheskii instrumentarii otsenki urovnya zakreditovannosti naseleniya Rossiiskoi Federatsii // Obshchestvo i ekonomika. 2024. № 5. S. 27–44. DOI: 10.31857/S0207367624050034.

8. Sorokina G. P., Sorokina V. A. Finansovoe povedenie naseleniya: osnovnye tendentsii i riski // Ekonomicheskie sistemy. 2024. T. 17. № 2. S. 106–113. DOI: 10.29030/2309-2076-2024-17-2-106-113.

9. Pyatsheva E. N. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli i finansovye aspekty

bankrotstva fizicheskikh lits v Rossii // Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2024. № 4. S. 42–60. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-4-42-60.

10. Tikhonova N. E. Osobennosti finansovogo povedeniya rossiyan v usloviyakh vneshnikh shokov poslednikh let // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2025. T. 26. № 1. S. 11–38. DOI: 10.17323/1726-3247-2025-1-11-38.

11. Loginov D. M. Zapas prochnosti i finansovoe obremenenie: kreditno-sberegatel'noe povedenie srednevozrastnykh rossiyan // EKO. 2026. T. 56. № 1. S. 93–110. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2026-1-93-110.

12. Zaloom C., James D. Financialization and the Household // Annual Review of Anthropology. 2023. Vol. 52. P. 399–415. DOI: 10.1146/annurev-anthro-052721-100947.

13. Wang X., Ward A. M. Socio-economic framework for the design of national household insolvency systems // Socio-Economic Review. 2023. Vol. 21. No. 3. P. 1473–1499. DOI: 10.1093/ser/mwad011.

14. Indarte S. Moral Hazard versus Liquidity in Household Bankruptcy // The Journal of Finance. 2023. Vol. 78. No. 5. P. 2421–2464. DOI: 10.1111/jofi.13263.

15. Kılınçarslan P. Household Debt and Social Reproduction in Everyday Life: Women's Experiences of Caring, Agency, and Risk // Social Politics: International Studies in Gender, State & Society. 2023. Vol. 30. No. 4. P. 973–996. DOI: 10.1093/sp/jxad031.

16. Moorhouse M., Goode M., Cotte J., Widney J. Helping Those That Hide: Anticipated Stigmatization Drives Concealment and a Destructive Cycle of Debt // Journal of Marketing Research. 2023. Vol. 60. No. 6. P. 1135–1153. DOI: 10.1177/00222437221146521.

17. Joo B. A., Mir S. I. Evolution of the Household Debt Narrative: A PRISMA-compliant Systematic Literature Review // Paradigm. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 84–100. DOI: 10.1177/09718907241248493.

18. Mikuš M. Tracking Mortgage Pathways in Zagreb: Everyday Economics of Debt, Housing Wealth, and Debtors' Agency in a European Semiperiphery // Current

Anthropology. 2024. Vol. 65. No. 4. P. 701–723. DOI: 10.1086/731252.

19. Charron-Chénier R. Debt-Based Welfare: Debt-to-Asset Relationships across Black and White Households in the United States // Sociological Forum. 2024. DOI: 10.1111/socf.12987.

20. Thorup M. The Makings of the Debtor: Morality Tales and Economic Reasoning in Contemporary Neoliberal Societies // Thesis Eleven. 2024. Vol. 184–185. No. 1. P. 188–208. DOI: 10.1177/07255136241296893.

21. Marks A., Terry E. Using a Moral Economy Perspective to Understand Working-Class Finance and the Decline of Home Credit in the United Kingdom // Economic and Industrial Democracy. 2025. Vol. 46. No. 1. P. 75–95. DOI: 10.1177/0143831X241306047.

22. Vargas Pavez M. Are All Debtors the Same? Personal Insolvency and Debtors' Profiles in Chile // International Insolvency Review. 2025. Vol. 34. No. 1. P. 103–121. DOI: 10.1002/iir.1565.

23. Garrido J. M., Kilborn J., Rosha A. Personal Insolvency and Data Collection Systems // IMF Working Papers. 2025. No. 124. 63 p. DOI: 10.5089/9798229013703.001.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 27.11.2025; approved after peer review 15.01.2026; accepted for publication 31.08.2026.